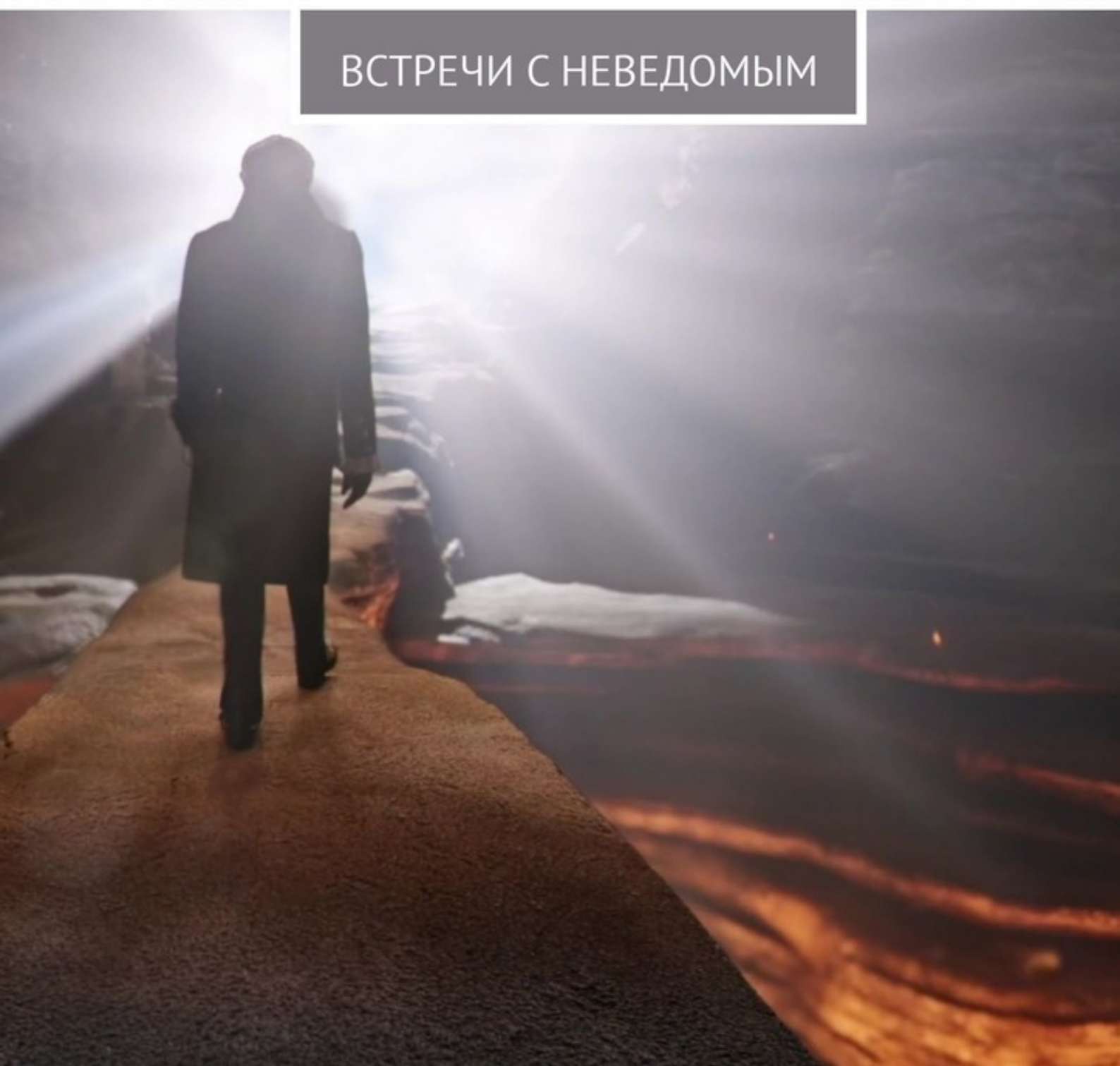

АЛЕКСЕЙ АИМИН

Истории из жизни уездного городка

ВСТРЕЧИ С НЕВЕДОМЫМ

Алексей Аимин

**Истории из жизни уездного
городка. Встречи с неведомым**

«Издательские решения»

Аимин А.

Истории из жизни уездного городка. Встречи с неведомым /
А. Аимин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-966643-7

В маленьких тихих городках жизнь течет по своим законам. За обыденными делами и заботами иногда происходят необыкновенные события. Но для этого надо оказаться в нужное время в нужном месте и стать объектом или свидетелем соприкосновения с другими мирами. Большая часть людей это не афиширует, и их можно понять.

ISBN 978-5-44-966643-7

© Аимин А.
© Издательские решения

Содержание

Вводная	6
КОНДРАТИЙ (1985 год)	9
СЕМГА (1992 г.)	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Истории из жизни уездного городка Встречи с неведомым

Алексей Аимин

© Алексей Аимин, 2019

ISBN 978-5-4496-6643-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

– Дрянной городишко я вам скажу...

Вводная

Место действия – небольшой уездный городок рядом с северной столицей.

Время действия – последние десятилетия XX века – годы реформ и развала СССР.

Городок два века стоит на древнем тракте. Может потому он заработал характеристику **«Сорок кабаков и одна церковь»**.

Однако очередей в церковь никогда не наблюдалось, впрочем как и в кабаки, которых хватало и на своих и на проезжих.

Грехи его жители, видимо, имели мелкие и отмаливали их лишь иногда и все сразу. Надо сказать, что жители городка были продвинутыми даже во времена крепостного права.

От прогоняемых по тракту каторжников они знали, что виноваты всегда и во всем власти. И этим они оправдывали свои мелкие грешки, мол есть у нас кто и похуже:

«У наших ... (нецензурное определение) властей – грехов коробочка полней».

Бывали здесь великие художники и поэты, но в основном проездом.

А. С. Пушкин не раз проезжал, Шишкин окрестности рисовал, Керенский на фронт с агитбригадой ехал и местные дети пролетариев в его поезде окно разбили. Происходили и другие события, нов разряд исторических их не поставишь.

Так что особых достопримечательностей город не имел и особо знаменитых людей Отчизне не дарил. Как говорят сами жители: **«один из тыщи малых городов»**.

Но жители знали и верили, что именно в их городке существует особая аура и порой называли его чудесным городом. А в чудесных городах как правило чудеса и случаются. Правда, кроме самого места для чудес не менее важно время. И, возможно интуитивно взяли в оборот новую поговорку:

«Время и место встречи изменить нельзя!»

Замечено, что именно в тяжелые времена чаще всего вокруг происходит необычное, непонятное и чудесное. Ведь люди с детских лет вскармливаются сказками со счастливым концом:

«Стали они жить-поживать и добра наживать».

После десятилетий застоя и скуки на городок навалился шквал новизны. Это и инфляция, и дефолт, и приватизация и ряд иных трудностей и пакостей властей и олигархов. Неожиданно узнали, что олигархов можно развести легко и быстро – чудеса!

Потому все втайне и ждали чудес не с минусом а с плюсом. Правда, ожидание затягивалось. Тяжелые перестроечные годы перешли в не менее тяжелые времена реформ. И хотя реформы это не революции – жертв поменьше, но штука неприятная.

Трудно было всем, но особенно идеологам и руководителям старой закваски. Большинство из них встали в ступор – у одних мозги скрипели, а у других вообще скрипеть было нечему.

Все силы и ресурсы страны с началом перестройки были брошены на бесполезную борьбу с пьянством.

Эта изнурительная борьба приводила к негативным результатам. Заводы и предприятия не выполняли план и даже останавливались. Сам народ объяснял причину просто:

– Все кругом остановилось потому, что народ стоит в очередях за водкой.

Тучи над городом встали...

В магазинах, кроме пустых прилавков, грязи в углах, тощих котов и скучающих продавцов ничего не было.

Именно тогда народ предложил переименовать авоську в нехераську. А жители под нос напевали: «Тучи над городом встали, в воздухе пахнет грозой... Гроза действительно прогремела и пришла рыночная экономика.

Теперь вдоль магазинов стояли жители, продававшие все – от носков и пустых трехлитровых банок до шуб, отдающих нафталином.

Люди роптали, но еще не верили, что это конец их любимой страны. Никому не хотелось признавать себя дураками десятилетия идущими к неумолимо отступающему горизонту.

Да и призрак коммунизма так истошал, что больше походил на призрак голода. Жители городка все чаще и чаще сталкивались с необычными явлениями. К уже привычному призраку, присоединились полтергейсты и барабашки. Летящие тарелки стали появляться. Кто-то в них верил, кто-то нет. Настораживало то, что в своих рассказах из очевидцев никто не мог уточнить полные были эти тарелки или уже пустые.

Местный поэт-авангардист Юрий Гвоздев вник в проблему со своей колокольни (рост под два метра) и в чем-то был прав:

*Нас тарелки окружили,
Полтергейст везде окрест,
Многим окна поразбили,
Перепортили невест.*

*На экран полезли психи,
Души лечат у людей,
А душа-то ждет сосиски,
У души есть свой предел!*

*Наверху все лбы ломают —
В магазинах НИЧЕГО!
Спекулянты утверждают:
Виноваты НЛЮ!*

*Если будет продолжаться
Этот вот идиотизм,
Не построить нам всем, братицы,
Этот самый коммунизм!*

КОНДРАТИЙ (1985 год)

Это была не самая большая котельная, хотя она и находилась в самом центре города.

Рядом располагались все основные городские достопримечательности: церковь, баня, пивная, шашлычная, парфюмерный магазин.

Другие известные места: вырезвитель, вокзал, новое здание исполкома и горкома партии – тоже были рядом.

Благодаря такому расположению котельная была весьма посещаемым местом. Основной наплыв «гостей» был обычно с утра, когда появлялись облуневшие личности, и после пяти вечера, когда приходили те, кто намеревался достичь этого состояния.

В пять часов основное начальство покидало свои посты, и начальниками становились сами кочегары, а вернее, старший по смене.

Сегодня старшим был Мирон Григорьевич Спиридонов, коренастый серьезный мужичок лет пятидесяти. Он был немногословен, лишь иногда рассуждал с приятелями на житейские и политические темы, и то это бывало после ста граммов.

Старший по смене звучало слишком громко, на самом же деле его смена состояла из двух кочегаров и кота Терентия.

Терентий был крупный черный кот средней пушистости. Такой экстерьер позволял ему в интерьере котельной выглядеть пристойно, вполне вписываясь в общую картину закопченного машинного зала.

Безразличие к мышам сходило коту с рук. Когда же эти твари начинали наглеть, Терентий ненадолго исчезал, а потом приводил с собой какую-нибудь шустрюю подвальную кошечку, которая за ночь быстро наводила порядок.

Ровно в одиннадцать кот отправлялся на перекус к черному ходу шашлычной, где ему перепали мясные обрезки. Два раза из Терентия пытались сделать домашнего кота. Но добросердечные граждане на следующий день приносили его обратно, и при этом никто внятно не мог объяснить причину возврата.

Напарником Мирона вот уже третью смену стоял Колька по прозвищу Щербатый. Прозвище ему дали за редкие желтоватые зубы, которые он вряд ли когда чистил, но исправно промывал спиртовыми растворами включая зубной эликсир «Хвойный».

Колька был простым и понятным: не работягой и не лентяем, не умным и не дураком, не злым и не добрым.

К его недостаткам можно было отнести привычку внезапно засыпать на смене, а к достоинствам то, что спал он не более двух часов. Поэтому на закрепленных за ним котлах поддерживался пусть и волнообразный, но вполне приемлемый температурный график. Короче, в Кольке не было ничего исключительного или выдающегося, кроме способности зычно гоготать над очередным анекдотом, даже если он его слышал в пятнадцатый раз.

Старший по смене звучало слишком громко

Кольку перевели в эту смену после смерти Володи, бывшего напарника Мирона. Володя, хоть и был немного блаженный, зато работяга еще тот! Начальство не имело права брать его на работу по причине определенных неполадок с головой, но мать этого бедолаги их все же уговорила. С остальными частями тела у Володьки был полный порядок. Во всяком случае, на него не обижались ни сменщики, ни мастера, ни местные шалавы, порой заходившие «к Володьке на огонек».

Володька иной раз попадал под влияние гостей и напивался, но это обычно случалось уже после смены. Его укладывали отсыпаться в раздевалке на старом матрасе возле батареи. Мастера, конечно, знали об этом, но закрывали глаза, потому что к его работе претензий не было и не могло быть.

Оставили его и после того случая, когда он в день аванса, правда, в свой выходной, то ли на спор, то ли по дурости водрузил на трубу самой большой в городе Центральной котельной свои старые рабочие штаны. Привязав их к громоотводу, «верхолаз» спустился с высоты более шестидесяти метров довольный донельзя. Володьку тут же препроводили в контору. Вопрос был один: зачем ему это было надо? Ответ подкупил искренностью:

– А я думал, всем смешно будет. Если это нельзя, то я могу и снять.

Снимать засаленные и рваные штаны Володьку, естественно, не послали. Дня через два они сами куда-то делись: может, ветром сдуло, может, сгорели от дымовых газов.

Это было предпоследнее Володькино выступление в качестве главного героя. Последнее, не дожив месяца до тридцати пяти, он совершил девять дней назад. После употребления двух флаконов стеклоочистителя Володька здесь же, в раздевалке, оставил наш несовершенный мир и отдал Богу душу.

Мирон, по-своему любивший напарника за немногословность и трудолюбие, непременно бы поехал в его деревню на поминки, но не нашел подмену.

Сезон только-только начался, на улице было еще тепло, поэтому три котла находились в резерве. Колька накидал уголька в свои, и, видя, что старший не в своей тарелке, предложил:

- Мирон Григорич, давай я, что ли твои котелки покачегарю.
- Давай, Коля, а я пока пойду паровой с бойлером проверю.

В ведении старшего было еще паросиловое хозяйство, состоящее из парового котла и теплообменника, именуемого красиво и значимо – бойлер. Подача пара и горячей воды осуществлялась на прачечную и баню, стоявшую прямо через дорогу, ближе к реке.

Было около пяти вечера, до конца смены оставалось три часа. Но сегодня была пятница, и если женский персонал прачечной уже рыскал по магазинам, то на баню скоро пойдет приличный разбор воды.

– Сейчас работяги повалят, – думал Мирон, – это начальство и «вшивая» интеллигенция субботнюю баню предпочитает, растягивая удовольствие под пиво и водочку. А трудовой народ всегда спешит смыть с себя грязь, проглотить по стакану и домой, или как получится.

Мирон подрегулировал задвижку, сел за рабочий стол, записал в журнале показания давления и температуры. Он взглянул на Терентия, сидящего на окне. Кот с явным безразличием наблюдал за мухой, еле ползающей по закопченному пыльному стеклу. Он всегда был спокоен, когда в котельной все было «на мази».

Вообще-то имя Терентий у кота было официальное, в котельной же все его звали Термометр. В ночную смену кочегары иногда засыпали и температурный график переходил критическую отметку. И тогда кот прыгал им на грудь и начинал орать:

- «Кончай дрыхнуть, остолоп!» – на своем языке конечно.

Термометр был спокоен, беспокойно было на душе у Мирона. День был какой-то длинный и несуразный.

- Сегодня выпью, – решил Мирон. – Сейчас Колька освободится, сбегает.

Его взгляд остановился на гостевом стакане, стоявшем на подоконнике. Чего только из этого стакана не пили: и бормотуху, и политуру, и одеколон. Даже новинка сезона стеклоочиститель, недавно разведанный местными шаромыгами, не смог снять мутного налета с его стенок.

Вдруг Термометр ни с того ни с сего начал умываться.

– Гостей, что ли, намывает? – подумал Мирон – Ну уж нет, никого я сегодня не пущу, даже дверь не открою.

– Здравствуйте, – услышал он вдруг голос за спиной. От неожиданности Мирон даже вздрогнул. Повернувшись, он увидел стоявшего рядом Кондратия. Мелькнула мысль:

- Интересно, как он сюда попал? Дверь-то в котельную была закрыта.

– Здравствуйте, Мирон Григорьевич, – повторил Кондратий, не дождавшись ответа на первое приветствие.

- Здравствуй, – глухо пробурчал кочегар.

- А я вот Володьку помянуть пришел, как-никак девять дней.

С этими словами Кондратий вынул из кармана бутылку, содержимое которой Мирон определил безошибочно. Бумажная пробка из местной газеты, закрытая сверху желтым полупрозрачным напалечником, указывала, что это «голубь мира» – очень уважаемый гостевой напиток.

Производившая его баба Маня такую упаковку объясняла просто: «Чтоб дух не выходил» – и требовала возврата напалечников при повторных визитах потребителей.

Фирменный рецепт этой оригинальной сногшибательной жидкости баба Маня держала в строжайшей тайне. Правда, невестка, как-то приехавшая ее проведать, проговорила, что в деревне, где начиналась деятельность баб-Маниной «фирмы», ее свекровь проводила опыты с куриным пометом и другими столь же специфичными компонентами.

Но злые языки, учитывая отсутствие поблизости кур и наличие множества голубиных выводков на чердаках, распространяли слух о голубиных добавках, что и стало его псевдонимом. Да и саму бабу Маню теперь часто называли Голубем Мира, хотя она без всякого грима могла сыграть роль бабы Яги в любом детском ужастике.

Кондратий поставил бутылку на стол и положил рядом небольшой кусок вареной колбасы.

– Хлеб-то есть?

– Есть! – светясь своим «частоколом», бодро сообщил Колька, оказавшийся тут как тут. Определенную заинтересованность к происходящему проявил и Термометр, потянувшись и выгнув взъерошенную спину.

Мирон хоть и был знаком с Кондратием – тот заходил пару раз к Володке, но практически с ним не общался. Видок у него был, надо сказать, весьма отталкивающий. Кондратий в любую погоду ходил в коричневом демисезонном пальто и в темно-серой, давно потерявшей форму шляпе. Пузырящиеся на коленях брюки и полуразвалившиеся ботинки говорили о его бродячем образе жизни. Кроме одежды, выдавшей виды подвалов и подворотен, еще более отталкивающее впечатление производили серые водянистые глаза на узком лице. Длинные полуседые волосы до плеч и большие заостренные уши тоже не обладали привлекательностью. Все это в совокупности с одеянием придавало облику Кондратия довольно экзотический вид.

При других обстоятельствах Мирон сразу отказался бы от такого общества, но помянуть товарища – дело святое! Да и организм уже был настроен. Мирон взглянул на часы: без двадцати пять – рановато. Конечно, лучше бы на часок попозже. Колька понял, и показывая старшему свою выдержку, он хлопнул гостя по плечу и порекомендовал:

– Слышь, Кондратий, погулял бы ты минут двадцать, не дай Бог, начальство нагрянет, еще и ему наливать придется.

– А хрен им в дышло, чтоб оттуда вышло! – неожиданно для самого себя рубанул Мирон. Колька чуть не зашелся от хохота.

– Все! – вновь рубанул Мирон. – Перерыв на полдник!

Колька быстрыми отработанными движениями вывел на стол всю имеющуюся закуску и приборы: граненые стаканы и гнутые алюминиевые вилки, в незапамятные времена перекочевавшие в котельную из соседней шашлычной.

Мирон слегка его подколот:

– Эх, Колек, а метал бы ты так уголек!

Колька опять хохотнул, выловил из трехлитровой банки соленый огурец и начал нарезать его не очень ровными дольками. В пять минут стол был накрыт.

В пять минут стол был накрыт.

Кондратий безошибочно налил каждому по сотке – один в один. Потом взял кусочек хлеба, положил на него дольку соленого огурца и замер. Мирон и Колька тоже подняли свои стаканы, молча поглядывая на полупрозрачную жидкость. Каждый думал о своем и вспоминал Володьку. По сложившемуся в кочегарках этикету было положено: кто наливает – тот и говорит.

Ждали. Пауза тянула на минуту молчания.

Тогда Мирон решил взять инициативу на себя.

- Пусть земля ему будет пухом! – сказал он и, вздохнув, опрокинул содержимое стакана.
- Все там будем! – в тон ему дополнил Колька и сделал то же самое.
- Там нас ждут... – глубокомысленно произнес Кондратий.

Колька, прожевав закинутый в рот вслед за ядреным «голубем мира» огурец, удивленно произнес:

- Не по-о-нял, это кто же нас тама ждет?

– Наши, – Кондратий внимательно посмотрел на Мирона. Тот молчал, осмысливая сказанное гостем.

Тогда Кондратий продолжил:

- Ну, те, кто туда раньше нас пришли.

Ведь если они отсюда ушли, значит, туда пришли. Верно я говорю, Колян?

Колька, как и Мирон, был воспитан в духе советской материалистической идеологии и в загробные дела не верил.

– Не знаю, – промямлил он, хотя тема его все же заинтересовала. – А где тогда сейчас наш Володька?

– Аккурат у ворот чистилища. Он хоть и сам себя убил, но ведь не нарочно же, просто ошибочка вышла. Пройдет чистилище и напрямиком в рай.

– Погоди-ка, погоди, – вмешался в разговор молча слушавший всю эту трепотню Мирон. – Не нарочно? А не ты ли его научил стеклоочиститель пить?

– Ну я, – Кондратий чуть заерзал по скамье, будто что-то ему мешало. – Так я ж его пью, и ничего. Я Володьке четко объяснил: на пузырь одна таблетка аспирина и две норсульфазола, взболтать и подождать; когда диффузионные процессы закончатся, и только тогда принимать.

- Какие-какие процессы? – переспросил Колька.

– Диффузионные. Это когда все пузырьки отойдут. А Володька, видно, поторопился или таблетки перепутал.

– А можно мне рецептик записать? – Колька вынул из верхнего ящика стола дежурный журнал.

- Я тебе запишу! – цыкнул Мирон. – Я тебе так запишу, что мать родная не узнает!

Нарастающее напряжение снял Термометр. Он запрыгнул на скамейку, где сидел Кондратий, и, упершись передними лапами в край стола, всем своим видом показал, что готов разобраться с почти нетронутым закусоном.

– Ну что, Бегемот, уже прижился тут? – Кондратий погладил кота по голове, нацепил на вилку кусок колбасы и поднес к его морде.

Кот, аккуратно помогая себе лапой, определил серо-розовый полукруг в то место, где ему надлежало быть.

– Какой он бегемот? – хохотнул Колька. – Он скорее крокодил! Бегемоты – они ведь траву едят, а этому все колбасу да мясо подавай.

Колька был доволен, что ему удалось блеснуть своими познаниями, ведь у него по зоологии, в отличие от литературы, была твердая «тройка», а еще он никогда не пропускал свою любимую телепередачу «В мире животных».

Молча допили оставшееся.

– Ну, все! – сказал Мирон, которого тяготило общество Кондратия. Помянули, и хватит – работать надо.

Но гость ловко подхватил пустую бутылку со стола, и тут же, как по мановению волшебной палочки, на ее месте оказалась полная.

- Это на вторую ногу, пусть Володька там не спотыкается.

Колька, видя сомнения старшего по смене насчет продолжения мероприятия, решил продолжить разговор на заинтересовавшую его тему потусторонней жизни.

- Слышь, Кондратий, а чистилище – это вроде нашей бани, что ли?

– Да есть что-то схожее, – Кондратий налил еще по полстакана. – Безгрешных людей не бывает. Только к одним грехи как бы снаружи налипают, а другие – насквозь ими пропитаны! Там и распознают, у кого, значит, как.

Светлые-то души отмываются, а темные – их ничем не отмоешь. Потом, Колян, сам все узнаешь, а сейчас живи и радуйся. Пока молодой, баб не пропускай да водку в меру потребляй – эти грехи отмоются.

Снова наступило молчание. Кондратий поднял стакан:

– Ну, вздрогнули!

Все выпили, и «голубь мира» полетел с благой вестью в их души. Термометр дожевывал очередной кусок колбасы. Глаза его сегодня горели неестественно ярко, и казалось, что он внимательно прислушивается к разговору. У Мирона и так весь день было какое-то нехорошее предчувствие, а сейчас тревога стала нарастать еще больше.

– Пойду проверю паровой, – подумал он, но ноги его словно окаменели. – Неужели так повело? Это с двух-то стаканов?

– Колька, – сказал он, – сходи-ка проверь подпитку. Сейчас Петруха Морозов и Ванек Угрюмов мыться придут, так приоткрой так, чтоб им горячей воды на все принчиндалы хватило.

– Я это мигом! – гоготнув, ответил напарник и не совсем уверенным шагом направился в дальний угол котельной.

– Какие-какие процессы?

Мирон перевел взгляд на Кондратия – ну не нравился ему этот мужик, хоть убей! Эти серые ногти на руках, грязноватые волосы, шляпа, которую он никогда не снимал.

– Интересно, почему у него шляпа не спадает даже тогда, когда он наклоняется? И чего он так странно ерзает, когда садится? – Мирон еще внимательней посмотрел на Кондратия.

В голове вереницей крутились вопросы, но задавать их он не решался.

– Ну что, – сказал непрощенный гость, – давай говори, что спросить-то хочешь. Я же вижу, что хочешь, только стесняешься.

Мирон пытался сконцентрироваться и подобрать слова, но вдруг выпалил:

– Ты зачем здесь?

– За тобой.

– К-к-ак это за мной? – Мирон даже чуть заикнулся.

– На работу хочу нанять.

– Куда это на работу?

– Туда, – Кондратий показал себе под ноги.

Мирон хоть и подозревал что-то неладное, но не до такой же степени. По большому счету, ни в Бога ни в черта он не верил.

– Дурит Кондратий! – мелькнуло в голове. – А если нет?

Мирон был в растерянности.

Лучшая оборона – нападение, это он знал с детства. И тут ему припомнился гоголевский «Вий»:

– А как я тебя сейчас перекрещу?

– А ты попробуй, – засмеялся Кондратий.

Мирон вновь попытался приподняться из-за стола. Ноги совершенно не слушались, однако голова была достаточно ясной. С большим трудом он все же привстал и изобразил некое подобие креста:

– Сгинь, нечистая сила!

Термометр взъерошился, выгнул спину и зашипел на Мирона. Кондратий вновь засмеялся:

– Ну вот, смотри, как кота напугал. Ты что же, думаешь, что я от твоих пассажиров хвост подожму и убегу? Сейчас!

Во-первых, ты, Мирон, некрещеный. Батя-то у тебя, почитай, двадцать лет профсоюзом на стекольном заводе заведовал, активистом, коммунистом был. И ведь как мать с бабкой его ни уговаривали тебя окрестить, он ни в какую – запретил под страхом развода. А священнику двустоволкой грозил, если он тайком тебя окрестит.

И имя-то тебе батя сам выбирал. Тебя ведь бабка хотела Михаилом назвать в честь архангела, а он все одно: Мироном будет, мол, сокращенно – Мировое Освобождение Народов.

А во-вторых, крест силу имеет только от истинно верующих, а в тебе, Мирон, истинной веры нет. Впрочем, это хорошо и для меня и для тебя.

У Мирона голова пошла кругом.

Откуда Кондратий мог знать про него такие подробности? Мать об этом всю жизнь молчала, только перед смертью ему эту историю поведала. Пятнадцать лет с того момента прошло, он уже и сам вспоминать перестал.

Кондратий снова плеснул в стаканы:

– Ну вот, ты и матушку вспомнил, давай заодно и ее помянем. Кстати, у нас там свидания с родными нормальное явление, как поощрение за хорошую работу.

Мирон уже плохо соображал.

– Нет, что несет пустобрех? Еще и лыбится ехидненько! Так бы и затряхнул эту снечисть да вышвырнул из котельной!

Он досадовал и на себя, на свою временную слабость, но ничего не мог сделать – руки и ноги были будто свинцом налиты.

Он снова взглянул на Кондратия, и на мгновение их взгляды встретились...

Холодок пробежал по спине у Мирона.

И тут у него вдруг наступило какое-то безразличие к происходящему:

– Да пусть себе брешет, видно, тоже повело родимого. А я, как пацан, всю эту брехню всерьез принимаю.

Мирон опорожнил стакан и произнес благодушным тоном:

– Валяй, рассказывай, какие у вас там условия и прочее, а потом я подумаю.

Кондратий похорошел даже:

– Хорошо, я вкратце.

Понимаешь, когда Землю сотворили, то внутри печечку для подогрева поставили. Ваши-то по недомыслию ее пеклом называют. Там, конечно, никто не работает, все на автоматике, точнее, сделали так, что идет все на самотеке. А тут вдруг проблема с топливом появилась, печечка сдавать начала. Ты про ледниковый период слышал?

Мирон кивнул, он помнил что-то со школьных лет.

– Тогда решили новый вид энергии попробовать – психотропная называется. Она в людях вырабатывается, на эмоциях и всяческих переживаниях замешана. Кстати, экологически абсолютно чистая. Проблема в одном: в людях она намешана, переплетена, и ее разделять надобно.

Простейший пример электричество – плюс и минус. Ну а здесь на светлую и на темную поделить требуется. Сам-то себе светлую, понимаешь, забирает. У Него забота одна: все черные дыры по своему космосу латает. А нам темную на поддержку пекла оставляет, притом разделение на нас повесил. Светлые они если отмоешь легкие становятся – фьють и уже нет. Да и они нам на фиг не нужны, блаженные.

Но время то идет, а все оборудование устарело давно. Работает на пару, газах и магнетизме – прошлый световой век!

Одно хорошо: проверками не изводит, в наши дела не лезет. Но персонал, говорит, сами подбирайте, воспитывайте его и обучайте. Вот и мучаемся. Хотя, конечно, не так, как ваши попы в своих проповедях обрисовывают, но забот хватает.

Кондратий вздохнул, поскреб небритый подбородок, поправил шляпу, поерзал и, осмотрев свое пальто и пузырящиеся брюки, как-то по-простому, по-приятельски пожаловался:

– Надоел мне этот прикид, скорее бы скинуть всю эту хлобутьень.

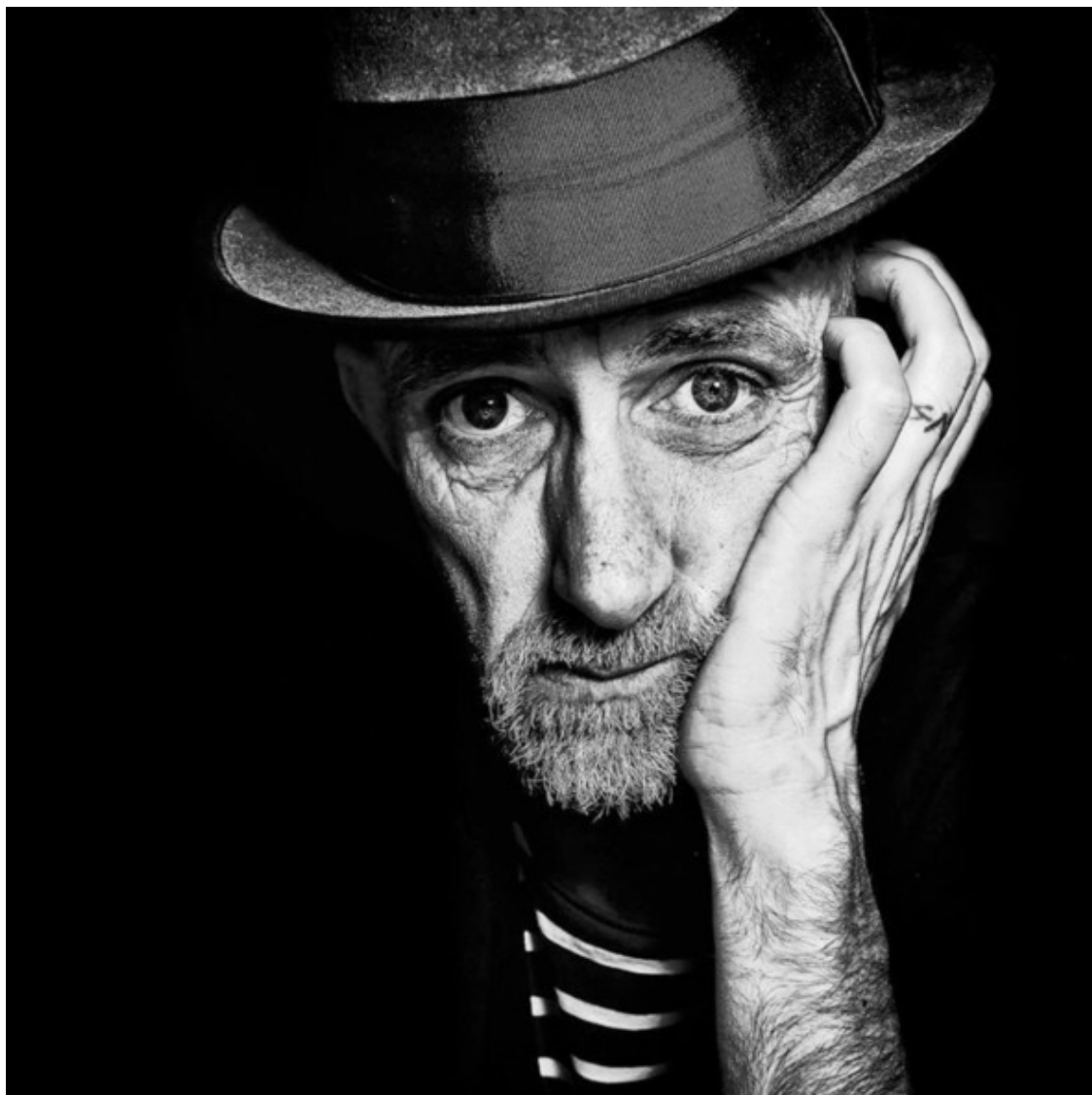
Он провел ладонью по спине кота. Мирон удивился: Термометр никогда чужих не жаловал, но сейчас, положив голову на колени Кондратия, довольно замурлыкал.

Гость вернулся к существу дела:

– Пока поначалу все более-менее фурычило. Но потом кое-кто из нашего среднего звена расслабляться начал. Например, мой предшественник по работе с персоналом в средние века набрал штат из инквизиторов и палачей. Им бы только допросы с пристрастием друг дружке учинять, а не технику изучать.

Вот тут и пошло: то газы прорвутся, то гейзеры из графика выбьются, а то гидроудары по всей системе. Не мне тебе объяснять! Заметил, как у вас землетрясений прибавилось? Да что там говорить, климат на Земле постоянно теплеет от этих протечек, утечек и прочей ерундистики. Короче, вся надежда на новые кадры. Вроде тебя.

– Складно брешешь, Кондратий! – Мирон сплюнул на пол и закурил.

– Надоел мне этот прикид, с скинуть бы всю эту хлобутень...

Гость же, никак не прореагировав на это заявление, вновь плеснул в стаканы и, не дожидаясь собеседника, выпил. Кочегар последовал его примеру.

– Ты думай, думай, времени у тебя осталось минут десять, не более.

Смысл этих слов дошел до Мирона с последним глотком. Поперхнувшись, он пролепетал:

– Как десять минут?

– Да ты не дрейфь. Это я тебя, так сказать, со своими проблемами нечаянно познакомил. А так у нас условия будьте-нате: бары, видеосалоны, бассейны с минеральной водой, сауны и прочие достижения цивилизации.

Там ведь не как здесь, там у нас кое-чего из рабовладельческого прошлого сохранилось, то что вы давным-давно забыли. А предки наши по части удовольствий большие выдумщики были. Да и снабжение у нас, как в ваших закрытых городках атомщиков, даже лучше.

Кондратий повертел на вилке последний кусок сероватой колбасы и продолжил:

– От такой дряни быстро отвыкнешь. А захочешь молодость вспомнить – что ж, доставим и ржавую селедку, и плавленый сырок, и кильку в томате.

Термометр, улучив момент, быстренько смахнул с вилки закусон и, ничуть не боясь, что у него отберут, спокойно стал с ним разбираться на коленях Кондратия. Гость ласково потрепал кота по загривку, как бы одобряя его наглость, и продолжил экскурс:

– Пройдешь девятимесячное обучение – получишь контракт на двести лет. Все будет нормально – еще на двести, опять нормально – еще.

У нас один тевтонец уже четвертый срок тянет, он еще по молодости с Александром Невским воевал. Правда, после того как Гитлер войну проиграл, сдавать начал. Он на фюрера большую ставку делал, может, только этой надеждой и жил. Теперь пить начал, никак не остановить – барабашки контрабанду наладили по полтергейстовому каналу.

А этот тевтонец у меня паросиловым хозяйством заведует. Замену ищу. Вот ты, Мирон, на это место явно потянешь. У тебя котлы уже по три срока отработали, и ничего, ни одной аварии. Правда, Бегемот? Ты же уже присмотрелся?

Кот замурлыкал, как бы отвечая на вопрос, и стал тереться о рукав Кондратия.

– Нет, – продолжил гость – ты мне скажи, что тебя здесь держит? Работа? Семья?

Мирон и вправду задумался.

Работа? Да осточертела эта совковая система – пашешь, пашешь в этой грязи, а получаешь гроши, и никаких тебе баров, бассейнов...

Семья? Да он на свою Вальку уже лет пять смотреть не может, не то что там... Всех и удовольствий-то – щи классно варит, да еще, когда он на нее цыкнет, то пятерку на бутылку из заначки достанет. Ну а своих сыновей-шалобаев, как им по восемнадцать стукнуло, он из дома выгнал на вольные хлеба, – не кормить же их до пенсии.

– Ты насчет щей не сомневайся, – как ни в чем не бывало продолжил Кондратий. – Каждый день не обещаю, а на какой там праздник – день рождения, например, – прямо с плиты тебе Валькины щи будут доставлены.

У нас практиканты шустрые, им это раз плюнуть. Такие фокусы выделывают! Они моментом содержимое домашней кастрюли на столовские щи меняют, а потом от смеха падают, когда едоки в этой баланде мясо пытаются выловить!

Гость ехидно хихикнул и взглянул на часы.

– Мысли, что ли, читает? – подумал Мирон.

– Ты фонтаны любишь? – неожиданно сменил тему Кондратий.

Мирон, не вписавшись в такой поворот, промямлил:

– А че их любить-то, они ж не бабы...

– И то верно.

А в городе сейчас фонтан открывают, – как-то задумчиво произнес Кондратий и после паузы продолжил:

– Ты что же думаешь, я каждого вот так, как тебя, уговариваю? Это, считай, элемент демократии. У вас скоро перестройка грянет, а у нас уже вовсю идет. Хотелось бы с тобой по-хорошему договориться. Специалистов мелкого пошиба я набираю просто: хлоп – сердечко остановишь, и готов новобранчик. Как это у вас называют?

– Кондрашка взяла... Так это ты, что ли?

– Ну, не обязательно я, хотя в принципе все верно. А Кондратий у нас не имя, это должность. Кадровик по-вашему.

Термометр вдруг забеспокоился и выгнул взъерошенную спину. Прямоком пробежав по столу, он запрыгнул на подоконник и неестественно громко мяукнул. Глухой удар послышался из дальнего угла котельной, затем еще, еще...

– Все! – произнес Кондратий. – Время вышло.

– Это паровой! – Мирон попытался встать. – Что случилось?

– Фонтан заработал – вся вода на него ушла. Вот так, дружище, не видать тебе премиальных, а то и вообще с работы полетишь.

– Котел может рвануть!

– Да, – заулыбался Кондратий, – сейчас будет весело. Слышь, а в бане-то сейчас ни холодной, ни горячей воды. Разгар помывки, все в мыле, все орут: «Давай воду!»

А глазки-то мыло ест, хоть пивом ополаскивайся.

И пока банщики побежали начальству звонить, Васька Щегол под шумок в раздевалке карманы обшаривает. Эту комедию посмотреть надо, тут-то уже ничего интересного. Ну все, Мирон, я думаю, мы с тобой договорились.

У Мирона перед глазами встала нарисованная Кондратием картина. Он как будто воочию увидел своих корешей Петьку Морозова и Ваньку Угрюмова в смешном и неприглядном виде.

– Договорились, говоришь?! Договорились?!

Да я тебя сейчас в порошок сотру! – Мирон весь напрягся, с невероятным трудом оторвался от стула и неуверенным шагом двинулся на Кондратия, выставив вперед руки и пытаясь схватить его за горло.

– Убью гада! – не то выкрикнул, не то прохрипел Мирон. И в этот момент он ощутил страшной силы удар, словно разряд молнии пронзил его тело...

Больше он ничего не помнил.

– Чего это там черти делают?..

Сознание возвращалось медленно. Сначала появилось светлое пятно, которое постепенно превратилось в тусклую закопченную лампочку под самым потолком. В горле комом стоял запах серы. Издалека доносились топот, шипение и матюги.

– Чего это там черти делают? – подумал Мирон – Хуже, чем в нашей котельной! Тоже мне, бары и бассейны – всю жизнь накальвают. Вдруг перед самым его носом возникло лицо Кольки Щербатого.

«Еще и этот здесь – ну полный атас!»

– Как ты, старшой? Ничего ты себя разукрасил! Встать можешь? Сходи умойся, сейчас начальство подвалит, а я пока бутылки спрячу.

Голоса и шипение стали тише. Мирон с трудом поднялся с пола и прошел сквозь задымленное помещение в душевую. В зеркало было страшно смотреть.

Потом его на «Скорой» отправили в больницу. Дежурный врач промыл раны и ссадины и установил сразу три диагноза: сильный ушиб, легкое сотрясение мозга и средняя степень опьянения.

Обо всем остальном в подробностях Мирон узнал позже.

События, имевшие прямую связь с происходящим в котельной, развивались совсем рядом и в то же самое время.

Экскаваторщик местного управления механизации Серега по кличке Нос возвращался с объекта на базу. Он своим длинным носом халтурки чувствовал за версту. Сегодня нос у Серёги чесался с самого обеда, и потому он завернул в частный сектор. Здесь-то Нос и был перехвачен бабкой-огородницей, работавшей в паре с баб-Маней по созданию полного «рабочего набора». Это ее огурцы шли в тот день на закуску наших героев.

От литровки «голубя мира» Серега сразу отказался, но за два червонца подрядился вырыть на бабкином участке небольшой прудок. О том, что бабуля прихватила к своему огороду приличный кусок городской территории, Нос ни сном, ни духом не ведал. Тем более он и подумать не мог, что там может проходить труба магистрального водопровода.

Когда экскаватор зацепил что-то на глубине, Серега сразу перестал давить на рычаг, собираясь осторожно вынуть ковш из земли. Но тут какая-то неведомая сила повела его руку. Сам того не ожидая, он вдруг даванул на рычаг так, что его «Беларусь» встал на дыбы. Из земли рванул водяной фонтан и в считанные минуты заполнил почти готовый водоем.

Забыв про гонорар, Серега тут же дал деру, оставив бабку на берегу рукотворного моря, доставшегося ей даром.

Впоследствии Нос был все-таки вычислен, наказан рублем и на год лишен прав. Короче, он получил по полной от своего начальства, которому досталось сполна от вышестоящего, а тому в свою очередь – от вышесидящего.

По рассказу Кольки, он проверил подпитку на котле, и тут его так разморило, что, присев в старое кресло в дальнем углу котельной, он мгновенно заснул. Проснулся Колька, когда трубы уже колотились нервной дрожью, а котлы гремели и дергались. В дверь стучали. Он впустил сменщиков, и они все вместе ведрами из пожарной бочки стали тушить котлы. Половина колосников была загублена, но котлы удалось спасти, кроме, парового, которому теперь требовался капитальный ремонт. Куда делся Кондратий, Колька понятия не имел. Исчез и Термометр.

В понедельник вечером состоялось общее собрание коллектива объединенных котельных, на котором главными вопросами были безаварийная работа и трудовая дисциплина. Показательным примером разгильдяйства стала авария на котельной банно-прачечного комбината, случившаяся в пятницу, 13 октября. Мирона вызвали на трибуну. Промычав что-то невразумительное, он был приперт «к стенке» конкретным вопросом:

– Как это произошло?

– Да черт попутал! – четко и вполне вразумительно заявил Мирон и, махнув рукой, вышел из зала.

Несколько дней Мирон ни с кем не разговаривал, отмалчивался или односложно отвечал на вопросы. Его терзали сомнения. Наконец он решил поделиться с друзьями. Встреча была назначена, как говорится, на том же месте в тот же час – в ближайшей от котельной пивной. Когда Мирон вошел в «стекляшку», Петька Морозов и Ванька Угрюмов уже были там.

– Ну и рожа у тебя, Шарапов! – подражая герою известного телесериала, подколот приятеля Петька.

– С тебя картину можно писать – «В застенках гестапо», – поддержал дружка Ванек и подвинул Мирону кружку пива.

Мирон действительно выглядел неважнецки, видимо, падал с ускорением. Кроме угла скамьи, задетого по ходу, он еще пробороздил по бетонному полу.

– Посадка была аварийная, на «брюхо», – попытался отшутиться Мирон. Он все еще не решался начать свои откровения.

Петр достал бутылку водки «Экстра» и, взглянув на плакат «Приносить и распивать спиртные напитки категорически запрещено!», с грустью в голосе расшифровал название:

– **Эх, Как Стало Трудно Русскому Алкоголику!**

Окинув взглядом помещение, и не заметив ничего подозрительного, он плеснул в пустые кружки.

Разговор вновь повернул к той злосчастной пятнице. Мужики рассказали о переполохе, случившемся в бане. Они-то успели вымыться, а вот те, кто только намылились...

Суматоха, конечно, была, у двоих или троих в раздевалке часы и деньги пропали – кто-то пошустрил. После бани в котельную заглянули, но Мирона уже увезли, а Колька был сильно «загазован» и толком рассказать ничего не смог. Ну, они значит, взяли портвейна, раздавили и по домам.

Мирон вспомнил слова Кондратия о Ваське Щегле и принял решение.

Заказав всем по очередной кружке пива, он поведал приятелям свою жуткую историю. Рассказчик из Мирона был никудышный, он часто сбивался и перескакивал с одного на другое, от волнения ему не хватало слов. И как ни пытался он сделать свой рассказ убедительным, у него это не получилось. Да он и сам это чувствовал, видя недоверчивые и насмешливые взгляды приятелей.

– Не знаю, что теперь и делать, – завершил свой рассказ Мирон. – До сих пор как вспомню, так вздрогну, по улице иду и оглядываюсь.

Мужики немного помолчали, обдумывая, чем можно помочь приятелю в данной ситуации.

– Знаешь, – Ванек поскреб затылок, – больно уж у тебя черт-то на черта не похож. Мне мужики сколько про них рассказывали, так те черти больше по стенкам или по потолку скачут. Еще рожи иногда корчат, но в разговоры никогда не вступают, они ж тупые и трусливые. На чертей, говорят, только цыкни или табуреткой запусти – они сразу исчезают. А чтобы драться – никогда!

Ванька отхлебнул из кружки, еще раз глянул на следы происшествия на лице Мирона и спросил:

– А ты думаешь, что это тебе он засандалил?

Мирон кивнул.

– Я вот что думаю, – вступил в разговор Петр, – тебе, Мирон, сейчас завязать надо с этим делом. Врачи-то, поди-ка, не рекомендовали?

– Да, сказали, чтоб воздержался, сотрясение все же.

– Во-во, и это... если они какие там лекарства прописали, то ты их принимай по полной программе и от уколов не отказывайся. Здоровье в наше время – самое главное, – обстоятельно заключил Петр.

Мирон был уже и не рад, что поделился с друзьями своими переживаниями.

Эх, Как Стало Трудно Русскому Алкоголику!

Он понял, чем это может для него обернуться. Если история получит огласку, ему мало не покажется. И подкалывать будут, и посмеиваться, и пальцем у виска покручивать за спиной. Чего доброго, и прозвище какое-нибудь приклеят типа Преисподняя или Чистилище, у них это не заржавеет.

Провернув в голове такое развитие сюжета, Мирон сделал над собой усилие, выдал улыбку и бодрым голосом произнес:

– Да пошутил я, мужики, а вы и уши развесили.

Мужики опешили. И тут Ванек ткнул его в бок:

– Ты, Мирон, даешь! А я ведь чуть не поверил. Нет, я же Кондратия видел – какой он там черт, так, БИЧ обычный (в местном раскладе расшифровывался как Бывший Интеллигентный Человек).

– Это он тебе просто слегка мозги запудрил, говорят, раньше в институте ядерной физики инженером работал – поддержал эту версию Петр.

По-видимому, такой поворот дела вполне устроил и Петра. А то он уж начал подумывать, что им с Ванькой придется нового компаньона искать в связи с резким ухудшением здоровья одного из членов тройственного союза. Петр тоже перешел на шутливый тон:

– Погоди, Мирон, мы этого Кондратия еще отловим, мы с него шляпу-то снимем, посмотрим, как у него там рожки растут.

– Да и штаны тоже, – подхватил Ванек. – Посмотрим, как у него там хвостик поживает. И сам же от своей шутки захохотал.

Настроение у Мирона улучшилось. Это же ради них, ради вот такого общения он не принял предложение Кондратия. Плевал он на эту обещанную долгую, райскую... тьфу ты, адскую жизнь. Обещания лучшей жизни он и здесь может послушать, причем каждый день – хоть

по радио, хоть по телеку. Правильно он сделал, что послал Кондратия к черту. Мирон тоже засмеялся: нет, ну и расклад – черта послал к черту.

– А я уж испугался, – Петр вновь достал бутылку, – давайте, мужики, за дружбу!

– И за баб! – вставил Ванек и под удивленными взглядами друзей тут же уточнил: – За хороших баб.

Дальше все продолжалось уже по накатке: рассуждали с обычным юморком о жизни, о политике, о женщинах и, в свете недавних событий, о нечистой силе. Над Мироном подшучивали, он не обижался. Не обиделся и на последний Ванькин подкол при расставании:

– Слышь, Мирон, а отметина-то у тебя на лице и впрямь форму копыта напоминает.

Мирон шел домой, успокоенный тем, что наконец смог высказаться, поделиться пережитым. Пусть он остался непонятым, но в душе наступило умиротворение. Мирон даже пытался убедить себя, что и впрямь ему что-то привиделось, и всю эту дурацкую историю он сам и выдумал.

Нервозность и боязливость постепенно покинули Мирона. Теперь он сам решил найти Кондратия, чтобы поставить все точки над «и».

Но оказалось, что Кондратия с того самого дня больше никто не встречал. Один из при вокзальных бомжей рассказал Мирону, что в пятницу, только не помнит в какую, он видел, как Кондратий сел в электричку на Питер, и за пазухой у него был вроде бы черный кот. Термометр тоже как сквозь землю провалился, хотя кто-то упоминал о похожем на Терентия черном коте, сбитом машиной.

Мирон после того случая изменился. Нет, своих друзей он не бросил, но выпивать стал реже, больше времени и внимания стал уделять жене, а младшего сына вернул домой.

– Нечего ему по общагам и заугольям болтаться, – сказал он Валентине, – еще к какой дряни приучится или нечисть какая прицепится.

Валентина молчала, но была рада переменам. Мирон же делал все это полусознанно. Он вспомнил, как его бабка когда-то говорила, что нечистая сила цепляется к людям одиноким и нелюдимым. Возвращаясь в памяти к злополучному дню и воссоздавая его события до мельчайших подробностей, Мирон заключал свои размышления всегда одним и тем же:

«Ну не мог я такого придумать! НЕ МОГ!»

Все произошедшее с ним в ту пятницу так и осталось для Мирона главной загадкой его жизни.

СЕМГА (1992 г.)

Сема проснулся рано и долго не мог сообразить, где он и зачем он здесь.

Желтоватые подтеки на потолке постепенно вернули ему потерянные реалии. Наконец в его сознании определилось главное: что он в своей квартире и что еще очень рано. Первое он заключил, глядя на очень знакомые очертания этих самых подтеков, второе – по монотонному шуршанию метлы дворничихи за окном.

Кроме того, не столько сознанием, а каким-то внутренним чутьем Сема определил, что ему сегодня никуда не надо. Но по привычке он решил наметить план действий.

Процесс обдумывания всегда тяготил Сему, и где было только можно, он обходился без него.

Когда же без его напряжения было совершенно не обойтись, Сема мучился и с теплотой вспоминал «застойные времена».

Тогда он и все его сотоварищи этим делом особо не заморачивались. Но эта долбаная перестройка поставила все с ног на голову, причем, у каждого на свою. К чему советские люди были совсем таки не приучены.

Вот на нее-то, на голову и приходилась теперь вся нагрузка. А голова у Семы всегда была слабым местом. Правда, в моменты, когда пустоты заполнялись винными парами и сивушными маслами, голова приобретала определенный вес, но это были именно те минуты жизни, когда думать было не надо.

– А че думать, когда есть что выпить?!

Сегодня выпить было нечего, впрочем, как и поесть.

А у Семы был еще один орган, в отличие от головы работавший более четко и организованно, – желудок. Такое устройство организма Семе вообще-то не очень нравилось, но с этим приходилось мириться.

– Дурная наследственность, – пробормотал он, вспомнив рассказы матери об отце, который на спор съедал сразу двенадцать яиц вкрутую и запивал их литровкой молока.

От таких воспоминаний засосало под ложечкой, там, где и находился тот самый пустой беспокойный орган.

Сегодня пустотами зияло все. И чрево его старенького холодильника «Саратов» – единственного бытового прибора, оставшегося в квартире после ухода жены, и поверхность обшарпанного стола, пожертвованного ему соседом со своей дачи.

Вообще во всей квартире было пустовато.

В углу комнаты стоял подраббитый диван, на котором сейчас располагалось Семино тело с остатками когда-то накачанных мускулов. У стола притулились две колченогих табуретки неизвестного года производства. Правда, еще в туалете был прибор общего пользования, который его друг, бывший сантехник Вася, вчера предлагал оприходовать:

– Слышь, Сем, ты мне скажи, ну зачем он тебе нужен?

Соседка моя литр за него готова поставить. Мужик у нее разбил – гаечный ключ уронил. А я хоть и залепил его кое-как, но это им и на неделю не хватит, у них же питание-то трехразовое!

Вот им без него – никак. А нам он зачем? Да если что, за угол сбегает, когда прижмет...

Сема это предложение отмел начисто. Он еще надеялся на лучшее. Ведь может же жизнь круто развернуть и тогда все изменится. Крутануло в одну сторону, может крутануть и в другую...

Ведь было же...

Вспомнились годы, когда он, молодой и красивый, пришел после ПТУ на завод в токарный цех. Там Сеня сразу понял, что замасленная спецовка – не его будущее, и решил брать судьбу в свои руки.

Определив, откуда ветер дует, а главное – куда, Сема резво включился в комсомольскую работу. Активность на общественном фронте, конечно, негативно отражалась на его «трудовых достижениях» в части зарплаты, но вполне возможно, именно благодаря непродуктивной работе у станка он и стал «выдвиженцем» от рабочего класса. Да ни куда-нибудь, а прямоком в горком ВЛКСМ.

Этому соответствовали и внешние данные – рост, крепкое телосложение, честный уверенный взгляд. Все это вполне соответствовало представлениям о той золотой молодежи, которая твердым шагом приведет нашу страну к коммунизму.

Кто-то из сподвижников пошутил, что с Семена можно было плакаты рисовать с подписью:

«Мы придем к победе коммунистического труда».

В горкоме с такими же выдвиженцами Семен горячо обсуждал поставленные перед ними задачи вовлечения молодежи в общественно полезные дела с целью ограждения молодого поколения от тлетворного влияния Запада. Но вовлечение это больше смахивало на привлечение.

Механизм, разработанный еще в тридцатые годы, где основным горючим был энтузиазм, замешанный на безоговорочной вере в коммунистические идеалы, начал давать сбои.

Битломаны, хиппи, фарца и прочие отщепенцы не вписывались в существующие инструкции, чем сильно раздражали Семена и его товарищей. Борьба с этими перерожденцами даже при поддержке правоохранительных органов не всегда была успешной.

– Прижились, гады, корни пустили! – злился тогда Семен.

Вот и приходилось комсомолу выкорчевывать эти сорняки империализма. Труд этот райкомовцы считали тяжелым и неблагодарным. Нередко после своих выступлений в трудовых коллективах они слышали за спиной: «Пустобрехи, прихлебатели! Комса!».

Но это была, по Семиным понятиям, чернь – ну что с них, необразованных, возьмешь?

Сам-то он уже учился заочно в техникуме и постоянно ездил на комсомольскую учебу. Там с такими же правильными ребятами он изучал работы Ленина «Империализм и эмпириокритицизм», «Как преобразовать Рабкрин» и другие. И хотя Семен мало что в них понимал, но все заковыристые слова оттуда научился выговаривать правильно. Делал он это легко и непринужденно, что и позволяло ему при их удачном вворачивании приобретать в глазах слушателей большой вес.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.